ПЕРВЫЙ БОЙ СРАЖЕНИЯ ЗА ГУАДАЛКАНАЛ

6 августа 1942 г. десантный корабль George F. Elliott с солдатами и офицерами 1-й Дивизии Морской Пехоты генерал-майора Александра Вандергрифта на борту приблизился с севера к острову Гуадалканал, входящему в архипелаг Соломоновы острова в южной части Тихого Океана. Морским пехотинцам (морпехам) предстояло захватить находившийся на острове недостроенный аэродром Лунга Пойнт (Lunga Point). С этого аэродрома японцы могли бы атаковать судоходные пути, ведущие в Австралию, и угрожать континенту блокадой. При этом реальной угрозой оставалось бы вторжение японцев в Австралию.

Среди тысяч солдат и офицеров, которым предстояло принять участие в сражении, было четверо морпехов из роты «Н» 1-го Полка: Джим Янг (Jim Young), Сид Филлипс (Sid Phillips), Roy Gerlach (Рой Герлах) и Арт Пендлтон (Art Pendleton). Они рассказывают о последовавших событиях.

Джим Янг

Нас разбудили около трех часов ночи 7 августа 1942 г., в день, когда нам предстояло вступить в бой с японцами. Завтрак был в пять часов – давали стейк и яичницу. После еды, которая давалась с трудом, мы поднялись на палубу, чтобы понаблюдать за обстрелом Гуадалканала. Выглядело это невероятным, грохот стоял ужасающий! Большинство из нас было испугано и ошеломлено. Мы бы не услышали друг друга, если бы не переходили на крик.

Пришел приказ спуститься в трюм, взять все необходимое и подготовиться к высадке. Море было бурным, из-за волнения при посадке катера подлетали и опускались на 6-10 футов. Одно парня раздавило между десантным катером и бортом судна. Многие при посадке получили травмы.

Один парень из моего орудийного расчета сел в катер, держась рукой за поручень. Наш связист тем временем сгружал катушки с проводом с судна. Трос лопнул, тяжелая катушка ударила парня по руке и отсекла ее… Его затащили обратно на борт транспорта.

Пришло время отправки на берег. Моторы катера ревели на полную мощность. Когда мы шли к берегу, каждый сильно нервничал.

Сид Филлипс

Над кормой каждого катера развевался флаг. Я посмотрел по сторонам, мой друг Карл Рэнсом (Carl Ransome) сделал то же самое. Вся десантная волна хорошо просматривалась. Казалось, флаги упирались в края горизонта. Я почувствовал комок в горле, Рэнсом тоже. Он вытер глаза и сказал: «От этих соленых брызг слезятся глаза, правда ведь?».

Раньше мы такого не случалось, этого не бывало во время учений, и после этого я никогда не видел флаги США над десантными катерами. Они представляли из себя слишком хорошую мишень. Синий прямоугольник, белые и красные полосы – они словно кричали: «Я здесь! Я здесь!» Наш полковник Кэйтс (Clifton B. Cates, командир 1-го Полка Морской Пехоты) был очень большим патриотом. Если и был приказ вывесить флаги над каждым катером, я уверен, этот приказ был отдан Кэйтсом.

В то утро я заметил, что бандольер каждого из нас был забит патронами. В каждом подсумке было две обоймы с пятью патронами в каждой. Когда мы практиковались в десантировании на Фиджи, ни у кого не было боевых патронов. Мы высаживались с пустыми бандольерами. Никто не хотел, чтобы какой-нибудь идиот случайно пальнул в кого-то. Теперь все было по-другому. Предстоял настоящий бой.

Катер уткнулся в берег. У него впереди была аппарель, без которой мы не смогли бы вытащить на берег наш миномет. Мы ожидали, что сразу вступим бой не на жизнь, а на смерть, с рукопашными схватками, но, когда аппарель опустилась, мы увидели наших ребят, которые смеялись над нами и чистили кокосовые орехи. Мы вышли из катера, готовые к бою, а они просто ржали. Они сделали то же самое несколько минут назад. Никаких японцев поблизости не оказалось.

Рой Герлах

Я не высаживался с первой волной. Я был минометчиком, но много времени провел на кухне в качестве повара. В морской пехоте у тебя была боевая должность, но, если ты мог делать что-то еще, тебя могли отправить на другую работу. Когда шли бои, я был в минометном взводе, но если был нужен повар, я отправлялся на кухню…

Не могу припомнить подробности высадки на берег. Японцев там не было. Все они ушли в холмы. Мы сразу же наткнулись на кокосовые орехи, которые падали с деревьев. Мы брали наши штык-ножи, проделывали дырки в орехах и пили кокосовое молоко. Некоторые от этого приболели.

Сид Филлипс

В первый день мы пробивались через джунгли, чтобы выйти к высоте Грасси Нолл (Grassy Knoll), расположенной в одной миле от берега. У нас не было толковых карт Гуадалканала. Были какие-то карты, составленные австралийцами, ранее посещавшими Гуадалканал. На эти схематичные карты австралийцы нанесли названия, и при этом они умудрились перепутать реки Тенару (Tenaru) и Илу (Ilu).

Итак, план заключался в том, что мы выходим к Грасси Нолл и занимаем высоту. Я хорошо помню невероятную жару, такую, что дышать было нечем. Мы только что покинули Новую Зеландию, где была зима, поэтому перепад температур был серьезным. Мы ворчали и ругались. В тех жарких джунглях приходилось тащить 60-фунтовый груз с боеприпасами и провиантом на четыре дня и,

кроме того, запасной комплект одежды. Мы бросали свои спальные мешки и шли дальше. Жара давила на нас страшно.

У каждого из нас был котелок. Нас приучили к экономии воды - полагалось пить небольшими глотками, прополаскивать рот и только потом проглатывать воду. Пить залпом запрещалось категорически. В первый день все просто умирали от жары. Мы ели галеты и консервированное мясо с картошкой — еда была совершенно сухой, и это обезвоживало нас еще больше и усиливало жажду. На полпути к Грасси Нолл мы уже были без сил. Нам приказали лечь там, где мы находились, вырыть окопчики и спать. Так мы и сделали.

Джим Янг

Наступило утро, и мы получили приказ вернуться на пляжи и оборудовать оборонительные позиции для того, чтобы отразить попытки японцев высадиться на берег. Одного из наших лейтенантов ночью в лицо укусил скорпион. Оно отекло так, что он ничего не мог видеть, и его приходилось вести за руку назад к пляжу.

Когда мы подходили к пляжу, около 10 японских торпедоносцев-бомбардировщиков пронеслись над морем в сторону конвоя. Они летели так низко, что мы могли разглядеть лица летчиков и большие красные «тефтели» на крыльях. Они шли прямо на конвой. Один самолет нацелился на наш корабль – *Elliott*. Он шлепнулся на воду, подскочил в воздух и врезался в транспорт.

Рой Герлах

Первые три или четыре недели у нас не было полевой кухни, потому что все необходимое для нее ушло на дно вместе с *Эллиоттом*. Сам я на судне в тот момент не был, но все это видел. Бóльшая часть десантников к тому моменту уже была на берегу, но разгрузка еще не закончилась. Я знал одного парня из команды. Он всегда говорил: «Я буду здесь, когда вы сойдете на берег, и буду здесь, когда вы вернетесь.» Этого не случилось.

Сид Филлипс

Люди спрашивают меня, когда у нас был первый контакт с противником. Вражеские самолеты обстреляли нас почти незамедлительно после высадки на Гуадалканале. Роешь себе окоп, стараешься закопаться как можно глубже. Просто хоронишь себя в земле. Обстрелы с воздуха на Гуадалканале не прекращались. Налеты и бомбежки были непрерывными. Мы считали это «контактом с противником».

Джим Янг

Японские *Зеро* носились над нами. Я даже лица летчиков мог разглядеть. Было видно, как они поворачивают голову и смотрят на нас сверху вниз. Иногда они скалили зубы.

Сид Филлипс

На следующий день после высадки мы захватили аэродром. Когда я увидел его в первый раз, я был удивлен тем, что там было мало строений – стояло только что-то вроде пагоды. Это здание было

командным пунктом. Взлетно-посадочную полосу было непросто разглядеть, разве что с воздуха. Не было видно разбитых японских самолетов. Это место оказалось пустым. Мы прошли к «пагоде» и стали первыми американцами, вошедшими в это здание.

Первые самолеты, которые мы увидели заходящими на посадку, были *Летающие Крепости B-17*. Они прибывали двойками или тройками. Они останавливались, заправлялись и улетали. *Летающие Крепости* появились на аэродроме до того, как мы увидели здесь какие-либо самолеты ВМФ или *Корпуса Морской Пехоты (далее - КМП)*.

9 августа, из своего лагеря расположенного на вершине холма, возвышающегося над пляжем, рота «Н» увидела ожесточенное морское сражение, развернувшееся между американскими и японскими кораблями. Этот бой, известный, как сражение у Саво, закончился потоплением множества кораблей неподалеку от побережья острова, поэтому эти воды получили название Iron Bottom Sound (Пролив Железное Дно).

Мы наблюдали за этим сражением, как за летним штормом с берега. Был слышен грохот морских орудий, и были видны вспышки, напоминавшие молнии. Вы видели когда-нибудь далекую молнию, которая освещает небо? Это было что-то наподобие того. Разглядеть какие-либо детали морского боя было невозможно, но, когда какой-нибудь корабль взлетал на воздух, мы кричали от восторга. Мы-то полагали, что это наши парни метелят врага… На следующее утро мы увидели американский крейсер, который еле полз мимо нас, совсем недалеко от берега. Часть его носа была оторвана. Кто-то сказал, что это был *Chicago/Чикаго*.

Вскоре мы узнали, что случилась катастрофа: в ту ночь мы потеряли четыре крейсера. Вроде, с берега, милях в трех от нас, можно было разглядеть какой-то дымящийся корабль. Транспортные суда с грузами для нас все еще были в бухте, но уже покидали ее. Они уходили от нас, даже не разгрузив и половины предназначавшихся нам припасов. Но им нужно был сваливать оттуда побыстрее…

В тот момент мы почувствовали, что нас могли рассматривать как расходный материал. Это уже случалось на Филиппинах. Было так и на острове Уэйк, так было и на Гуаме. Так случалось в ходе всей войны на Тихом Океане до событий на Гуадалканале, поэтому и мы и вправду почувствовали себя расходным материалом.

Джим Янг

Без наших кораблей мы остались на острове сами по себе. Продовольствия не было, если не считать того, что было у нас в рюкзаках – *К-рационов*. На поиски продовольствия отправились наши разведгруппы, которые обнаружили японские склады риса и овса, на которых мы продержались до возвращения военных транспортов с припасами для нас. Чтобы переварить японскую еду, требовались крепкие желудки, так как рисовая и овсяная крупы кишели личинками и червями. Потом мы обнаружили, что, если высыпать рис и овес в воду, насекомые всплывают, их можно снять и выкинуть.

Мы встали лагерем на краю кокосовой плантации, рядом с лужайкой, на которой была небольшая рощица. Рощица состояла из лимоновых *(лаймовых? – ВК)* деревьев, и мы сделали себе лаймад. Мы использовали для этого теплую воду, сахара при этом у нас не было. Напиток получился отвратительным, но, все-таки, хоть это было какое-никакое другое питье. На этом лугу росли самые странные из растений, которые я когда-либо видел. Если ты шел через луг, казалось, что это была

хорошо набитая тропа, но через 20 минут никакого следа от твоей тропы уже не было возможности разглядеть.

В последующие дни мы все еще так и не видели японцев поблизости, но их воздушные налеты продолжались. Среди нас был старый сержант-артиллерист, отличный малый и настоящий морпех. Мы звали его Ганни Диксон (Gunny Dixon). Ганни приказал нам рыть окопы. Когда мы закончили, он посмотрел на них и начал хохотать. «Хорошо, хорошо, - сказал он. – По мне они не выглядят достаточно глубокими. Клянусь, что к концу недели они будут достаточно глубокими, чтобы в них можно было стоять.» И он оказался прав! Над нами пролетали бомбардировщики, и мы ничего не могли с этим поделать. Нам нечем было стрелять по ним, нашей авиации не было видно. Бомбы со свистом падали на нас.

В один из дней японские бомбардировщики прилетели с какого-то нового направления. Они всегда бомбили взлетно-посадочную полосу от места взлета до места остановки, но в тот день они прилетели прямо со стороны моря и направились к нашей рощице. На этот раз они пришли по наши души, а не для того, чтобы отбомбиться по аэродрому. Я смотрел за ними через бинокль, видел, как ложатся бомбы, и почувствовал, что нам сейчас достанется. Я выкрикнул предупреждение об опасности, и мы все успели добежать до наших окопчиков вовремя. Стоять в них было невозможно. Земля содрогалась, как будто в момент землетрясения. Воздух наполнили комья земли и запах кордита. Трудно поверить, но никто из наших не был убит…

Неподалеку мы нашли японский блиндаж, в который поместилось 20 наших. В нем было очень темно, и однажды, во время японского налета, один из парней издал страшный вопль. Он так напугал нас, и мы выползли на поверхность, хотя налет еще продолжался. На крыше блиндажа мы увидели ящерицу длиной в шесть футов. Как оказалось, она помахивала хвостом и задела физиономию одного из морпехов. Тот было подумал, что это рука парня, стоявшего рядом с ним. Он попытался отодвинуть «руку соседа», но, почувствовав, что это что-то другое, он просто потерял голову. Когда все кончилось, мы хорошо посмеялись над этим.

Как-то ночью прилетел одиночный японский бомбардировщик, который несколько часов кружился над нами, прежде чем решиться сбросить на нас бомбу. Они делали это для того, чтобы не дать нам отдохнуть. Мы прозвали его *Стиральная Машина Чарли (Washing Machine Charley)* из-за звука его моторов. Бомбежки не прекращались. Через какое-то время нас начали обстреливать японские крейсера и подводные лодки. Нас просто бесило то, что мы могли видеть японцев, шныряющих по палубам рядом с их орудиями. Но у нас не было ничего, что дало бы нам возможность добраться до них. Все наши дальнобойные пушки были на кораблях, которые ушли после морского сражения.

Сид Филлипс

Стрелковые взводы высылали в разведку дневные патрули. Человек по 15-20 во главе с офицером выходили на разведку, старясь выяснить, есть ли японцы на каком-то конкретном участке. Солдаты нашего минометного взвода редко выходили на патрулирование. Однако нам пришлось сделать это, когда патруль морпехов попал в засаду, и в лагерь вернулись оставшиеся в живых. Командование собрало разведотряд из 300 человек для того, чтобы вернуться на место боя и вынести убитых. Они хотели взять с собой один 81-милимметровый миномет, поэтому пришли к нам во взвод и сказали: «Миномет номер четыре с расчетом идет на разведку.» Я был в этом расчете, с нами пошел лейтенант «Бенни» Бенсон (“Benny” Benson), командир расчета.

Морпехи шли к месту недавнего боя, высматривая противника. Мы, минометный расчет, плелись за ними с нашим тяжелым грузом. Мы прошли около пяти миль с нашим минометом. Каждый из

нас тащил либо часть миномета, либо боеприпасы. Если ты был переносчиком боеприпасов, у тебя на плечах была сумка с минами (cloverleaf).

Это был напряженный марш через тропические джунгли. Троп не было. Чтобы в густых джунглях тебе стало невыносимо тяжко, не нужно было даже вступать в бой. Достаточно было пройти всю дорогу вперед и назад, перейти вброд по пояс в воде несколько речек. Одежда намокала, ноги были мокрыми, брюки растирали промежность. Не передашь словами, как тягостно все это было… Когда мы добрались до места, где случилась засада, наш расчет остановился в 150 ярдах от него и установил миномет на огневую позицию. Планировалось дать нашим огневую поддержку, если японцы попытаются поймать в засаду этот большой разведотряд. Необходимо было видеть, где находятся наши парни, и стрелять поверх их голов. Но японцы уже ушли с этого места…

Мы так и не увидели место, где случилось нападение из засады, но тот пожилой сержант-морпех сходил туда и вернулся. Наш Бенни тоже был старым морпехом – по нашим тогдашним понятиям он был очень старым: ему было 30. Он спросил: «Ну и как там все выглядит?» Старый сержант рассказал, что всем морпехам отрезали головы и половые органы, которые затолкали каждому в рот... Морпехи принесли наших погибших парней на носилках, тела убитых были покрыты пончо…

Наш ненависть к врагу начала разгораться давно. Мы слышали о *Батаанском марше Смерти (Bataan Death March)*, во время которого японцы убивали штыками выбившихся из сил американских военнопленных. Мы успели пообщаться и с парнями с батареи 90-милимметровых зенитных орудий, которая находилась рядом с нашим лагерем. Они раньше служили в ПВО Перл-Харбора и были свидетелями японской атаки.

Был еще патруль отряда Гётджа *(им командовал офицер по имени Frank Goettge - ВК)*. Через несколько дней после того, как мы высадились на Гуадалканале, несколько японских военнопленных сообщили полковнику Гётджу, что их японские товарищи хотят сдаться нам в плен где-то в пяти милях от наших позиций, в районе устья реки Матаникау. Гётдж взял с собой группу из 25 человек, чтобы привести этих японцев. Но там оказалась засада. Гётдж и его парни были убиты, только трое из них сумели спастись, вплавь добравшись до наших позиций. Был ли полковник идиотом, поверив в то, что японцы просто так сдадутся в плен? Нет, просто мы тогда еще не понимали до конца нашего противника. Сдачи в плен для японца просто не существовало: он мог попасть к нам в руки только в бессознательном состоянии. Но и тогда, когда вы видели японца в таком состоянии, нужно было оставаться очень осторожным, потому что он мог просто притворяться. Он мог попытаться убить вас.

Вскоре оказалось, что японцы – жестокие враги. Для них не существовало *Женевской Конвенции*. Они пытали пленных, затем убивали их. Черт возьми, они могли пытать и терзать даже трупы. Между морпехами и японцами быстро выросла стена ненависти. Мы и сами не брали пленных, в моем батальоне – никогда, насколько я знаю.

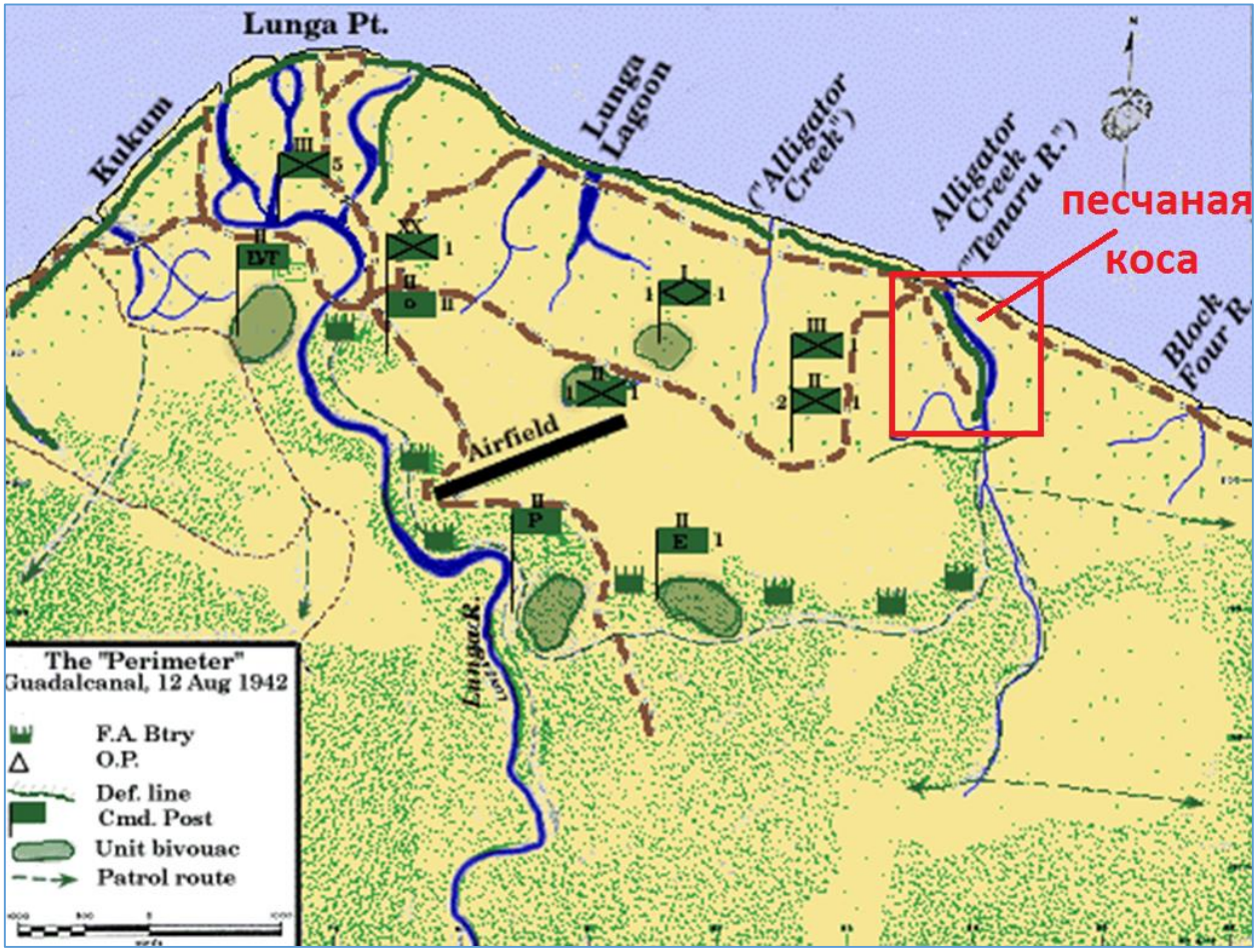
20 августа до морпехов дошли плохие новости о том, что японцы начали высадку подкреплений, чтобы отбить у нас аэродром. В тот же день в мы услышали приближение целой армады самолетов.

Сид Филлипс

Был вечер, и мы находились на огневой позиции нашего миномета, когда до нас донесся гул самолетов, которые кружились над аэродромом. Мы побежали искать укрытие. Они подошли к нам с юга, из-за горных гряд. Рев самолетных двигателей был оглушающим, самолеты заполнили все небо. Кто-то прокричал нам, что это были наши самолеты… Мы пришли в экстаз. Я посмотрел в небо и увидел серо-голубой пикировщик *SBD* с буквами *USMC (US Marine Corps – Корпус Морской Пехоты - КМП – ВК)* на крыльях. Мы стали бросать в воздух наши каски и колотить друг друга по спинам.

Некоторые из нас просто рыдали от радости, настолько это был счастливый момент. До того момента мы просто не видели наши самолеты, не считая тех двух-трех *Летающих Крепостей*, которые залетали на аэродром. Нас постоянно обстреливали японские *Зеро*. То, что мы увидели наши самолеты, говорило следующее: «*Дядя Сэм* решил, что мы будем сражаться за этот жалкий остров.»

21 августа 1942 г. морпехи и японцы вступили в первую крупную схватку в сражении за Гуадалканал. Японцы высадили 900 солдат элитного отряда полковника Киянао Ичики (Kiyonao Ichiki), которые начали свой марш на запад, вдоль берега, по направлению к аэродрому. Морпехи роты «Н» поджидали противника на западном берегу небольшой речки, которую сами называли Крокодилий Ручей (Alligator Creek) или Тенару (Tenaru). На самом деле это была река Илу.



Участок северного побережья острова, где начиналось сражение за Гуадалканал

Джим Янг

Мы по очереди дежурили на наших оборонительных позициях в ночное время. Было страшно. Джунгли напротив нас были густыми, ночи очень темными. До нас доносились самые разные звуки, и некоторые из нас делали по несколько выстрелов в сторону противника, просто на тот случай,

если японцы попытаются по-тихому сблизиться с нами и атаковать. Проблема была в том, что люди теряли самообладание, когда кто-то стрелял: тогда все начинали палить [в сторону японцев]. Можно было подумать, что разгорелся настоящий бой… Ну, генералу надоела эта стрельба в темноту. Он выпустил приказ, гласивший, что, если еще раз случится такая дикая пальба, пускай ему покажут мертвых японцев, или же провинившаяся часть окажется на тяжелых работах. Вот что я вам скажу: в следующую ночь могло показаться, что весь остров опустел, настолько тихо было. Единственное, что мы слышали, было гулом моторов *Стиральных Машин Чарли*.

Сид Филлипс

Бой на реке Тенару стал первым серьезным столкновением с японцами во всем сражении за остров. Наши линии уходили на юг от побережья. У нас не было сплошного оборонительного периметра вокруг аэродрома: для этого просто не хватало людей. Мы были разбросаны по стрелковым ячейкам, расположенным в шести ярдах друг от друга. В каждой было по два человека с винтовками, в шести ярдах – еще раз столько, потом, в следующей ячейке, может быть, человек шесть с пулеметом – такая позиция была закрыта бревнами и землей, потом опять две стрелковые ячейки и так далее. Джунгли вокруг нас были такими густыми, что мы даже не знали, кто был по соседству с нами и что там было. Мы просто лежали в окопах и прислушивались ко всем этим проклятым звуками, доносившимся из зарослей.

Какая-нибудь игуана, три фута в длину, могла бродить поблизости, пробивая себе дорогу и создавая шум. Сидишь и думаешь: это долбаный *джап* или игуана? Спать было нельзя. Не было желания поднимать ложную тревогу. Через какое-то время ты привыкаешь к сложившейся ситуации и даже начинаешь гордиться тем, что можешь различить звуки, издаваемые песчаным крабом и ползущим японцем…

Москиты жрали нас заживо. У нас не было репеллентов или чего-то подобного. Мы просто лежали в окопчиках и кормили москитов. Жили мы на рисе и ни на чем другом довольно долгое время – все были истощены и вымотаны уже довольно скоро. Каждые два часа полагалось передавать вахту второму парню, находившемуся с тобой в окопчике.

Поскольку обстановка была пугающей, нам в подкрепление отправили сержанта Карпа (Carp) из Бруклина. У него был легкий ручной пулемет *BAR* [*Browning Automatic Rifle*], и наши командиры хотели усилить с его помощью нашу огневую мощь. Кроме того, он к тому времени прослужил в морской пехоте около трех лет, был ветераном и рассматривался начальством как человек, куда более мудрый, чем мы, пацаны. Он появлялся в разных точках периметра каждую ночь со своей автоматической винтовкой.

На позициях роты «Н» морпех по имени Арт Пендлтон (Art Pendleton) командовал одной из 12 пулеметных команд.

Арт Пендлтон

Я был капралом. Вступил я в *КМП* в январе 942 г в городе Вустер (Worcester, штат Массачусетс). До этого я был обычным сельским парнем из центрального Массачусетса — кантри с лошадьми и

повозками. Мне нравилось учиться в школе. Не было у меня никаких отношений с девушками (пока не вступил в *КМП*). Никогда не притрагивался к спиртному, никогда не слышал о наркотиках. Жизнь тогда была совсем другой. Женщины были совсем другими. Если вы видели женщину в баре нашего городка, это была бы история, о которой бы потом говорили. Думаю, это оставляет отпечаток на характере человека. Когда я сел на поезд, отправлявшийся из Бостона в Пэррис Айлэнд *(Parris Island – лагерь базовой военной подготовки КМП в штате Южная Каролина)*, в нем было много ребят со всей Новой Англии. Один парень, который потом оказался в роте «Н» вместе со мной, был из города Саутборо (Southborough), расположенном совсем неподалеку от места, где жил я. Его звали Уитни Джекобс (Whitney Jacobs). Это был лохматый низенький парень, очень сильный физически, но не тот человек, про которого скажешь, что он может стать морпехом. Правила и порядки вступления в *КМП* в то время очень строгими. Ты не мог быть черным, что было печально *[КМП принял в свои ряды первых черных рекрутов в июне 1942 г. К концу войны в КМП служили и проявили себя достойно 19 000 черных морпехов]*. У тебя должны были быть все зубы, при этом допускалась отсутствие двух из них, нужно было иметь определенные вес, рост, уровень образования, далее по длинному списку. Трудно было поверить, что коротышка Уитни Джекобс добьется этого, но он добился своего…

В ночь нашего первого боя с японцами наше пулеметное гнездо находилось на пляже, пулемет был нацелен в сторону океана, тогда как другие находились на берегу реки. Было только одно место вероятного прорыва японцев – песчаная коса, отделявшая русло реки от океана. Коса была чем-то вроде плотины. Вода просачивалась через нее постоянно, но русло прорывалось через нее только, как я думаю, во время сильного дождя. За косой река была довольно глубокой. Мы знали, что японцы могут пересечь косу, если пойдут в атаку, поэтому мы протянули поперек нее колючую проволоку. Наш пулемет был единственным, расположенным вблизи этой косы.

Стрелковая ячейка Уитни Джекобса находилась у реки. Стрелки, пулеметчики и парни, вооруженные легкими пулеметами *BAR*, были выдвинуты вперед. Уитни показалось, что он что-то услышал из темноты, и выстрелил без приказа. Этот выстрел начал бой, потому что японцы действительно пошли в наступление, пытаясь форсировать реку.

Джим Янг

Где-то в 1:30 ночи, 21 августа, по нашим оборонительным позициям на реке Тенару было произведено несколько выстрелов. Темп стрельбы стал нарастать, прозвучали пулеметные очереди. Ну а потом разверзся ад…

Морпехи в стрелковой ячейке. Гуадалканал, август 1942 г.

https://au.pinterest.com/pin/370350769327989852/

Сид Филлипс

Подразделение японцев начало продвижение вдоль пляжа, наступая на запад. Уткнувшись в реку, они развернулись фронтом и продолжили наступление. Некоторые из них бесшумно перешли реку вброд. Темнота была абсолютная. К тому моменту сержант Карп и морпех по фамилии Биэр (Beer) уснули: настолько они устали. Японский офицер запрыгнул к ним в окоп и зарубил их, однако его застрелил кто-то из наших. Когда началась стрельба, стало светло, почти как днем. С нашей линии на противника обрушился шквал огня. Настоящий ураган. Мы знали, что сблизился с нами противник, дисциплинированный и жестокий.

Арт Пендлтон

Японцы высадили почти тысячу человек своих лучших людей из отряда Ичики. Они попытались пройти вдоль песчаной косы, но наткнулись на наше проволочное заграждение, поэтому им пришлось переходить реку вброд. Местами воды было по шею. Таким образом, японцы с самого начала оказались в невыгодном положении.

Джим Янг

Вопящая орда японских солдат попыталась перейти реку. Они шли волнами по 50-100 человек. На нашей оборонительной линии было 90 парней. Японцы, которые знали английский, орали: «Морпех, сегодня ты умрешь!» и «Кровь за императора!». Мы начали в ответ орать «Е…ли мы вашего императора!» и «Катитесь к черту!» и все то, что приходило в голову.

Японцы бросали в реку кокосовые орехи. Из-за этого было трудно понять, стреляешь ты в голову японца или в орех. Потом они пошли вброд через реку. Некоторые дошли до наших позиций, где мы закололи их штыками. На линии огня один из моих друзей, Кротти (Crotty) из Нью-Йорка укрывался в окопчике на двух человек. Японский офицер подобрался к нему сзади. Второй морпех перед боем положил свой бандольер позади себя, на край ячейки, и откинулся назад, чтобы взять

еще обойму. Взглянув вверх, он увидел японского офицера, который занес над головой свой меч. Парень подобрал коленки к подбородку, чтобы защитить себя, меч ударил его по коленной чашечке и рассек ему ногу… Кротти услышал, как второй парень закричал, и тоже повернулся. Он успел выстрелить за мгновение до того, как японец вновь обрушил свой меч. Пуля вошла японцу под ребра и вышла из-под мышки. Он упал на морпехов…

Наш лейтенант Бенсон отдал минометчикам команду открыть огонь. На тот момент мы были не в силах что-либо сделать. Чтобы прицельно стрелять из миномета, нужен свет, и мы просто ждали, смотрели на вспышки выстрелов и молились, чтобы скорее наступил рассвет. Я подумал про себя: «Ты хотел увидеть японцев, ну вот, они здесь.»

Арт Пендлтон

Мой пулемет находился на пляже, когда началась стрельба. Пулеметное гнездо, в котором находились Джон Риверс (John Rivers) и Эл Шмид (Al Schmid), располагалось на берегу реки. Джон Риверс был отличным парнем и крепким малым – бывшим боксером. Он пренебрег шансом побороться за чемпионский титул в легком весе, чтобы записаться в морскую пехоту. В нашем взводе было четыре тяжелых пулемета, и его пулемет оказался в той самой точке, на которую вышли японцы, перейдя через реку. Черт возьми, они стали нашей добычей…

Джим Янг

Джон [Риверс] был первым номером, Эл [Шмид] – вторым. Хотя в недавнем прошлом эти парни боксировали друг с другом на палубе корабля, они хорошо работали в одной паре. Их пулемет находился в обложенном мешками с песком гнезде на берегу реки, и, когда японцы ринулись на них, как стадо, Джонни начал косить их и косил до тех пор, пока пуля не угодила ему в лицо и не убила его. Эл взялся за пулемет и сражался до того момента, когда японцы забросили гранату в его гнездо. Он был ранен, ранен был также и его подносчик боеприпасов. Ослепленный Эл продолжал стрелять, а другой парень (по фамилии Даймонд/Diamond) кричал ему на ухо, направляя его огонь…

Парень из Северной Каролины по фамилии Стив Бойкин (Steve Boykin), просто расчудесный джентльмен, был ранен. Его нога оказалась почти оторванной… Его товарищи оттащили его от передовой и усадили спиной к дереву. Один из японцев проскользнул через линию огня и ударил его штыком. Японца убили, а Бойкин каким-то образом выжил.

Арт Пендлтон

Бой продолжался, и Уитни сообразил, что один из наших пулеметов замолчал – тот самый, который наиболее успешно косил врага. Ты не должен стрелять из пулемета непрерывно, потому что в этом случае противник вычислит твою позицию и сконцентрирует на тебе огонь. Но, когда ты в той ситуации, которая сложилась, здравый смысл отключается. Ты просто стреляешь, чтобы остаться в живых. Уитни подполз к умолкнувшему пулемету. Он остался лежать на земле и позвал тех, кто там должен был находиться. Но Джон Риверс был мертв, и откликнулся ослепленный Эл Шмид. Уитни прокричал: «не стреляй – я приведу помощь.» Он отполз и доложил о случившемся старшему офицеру. Лейтенант сразу же вызвал меня и мой расчет, потому что я был всего в 100 футах от этого места. Мы поспешили на помощь. Пулеметчик тащил на себе пулемет, второй номер нес треногу. Мы бежали к передовой линии, когда, насколько я понимаю, между моих ног взорвалась ручная граната. Меня подбросило в воздух, но осколки меня не задели. Я подумал: «Бог ты мой! Ну может ведь так повезти!»

Разобраться в ситуации было трудно. Нас отправили туда, где был пулемет Риверса. Гнездо оказалось пустым. Я не знаю, куда делось тело Риверса, или куда ушел Шмид. Думаю, в ту ночь от судьбы им было не уйти, потому что они вели огонь непрерывно. Пулемет Риверса был разбит, поэтому я просто выбросил его из гнезда. Тот пулемет убил многих, очень многих японцев… На его место я установил свой пулемет – теперь мы были в центре событий.

У японских офицеров были элегантные мечи, и они размахивали ими, стараясь напугать нас. Но наши парни забыли, что такое страх. Они были там, чтобы убить всех. Когда твоя жизнь стоит на кону, забываешь, что такое страх. Само понятие страха исчезает… Я открыл огонь сразу же после того, как установил свой пулемет. Не начнешь стрелять - тебя самого сразу убьют. Гнездо Риверса было в фокусе атаки японцев.

После боя напротив этого пулеметного гнезда морпехи насчитали около 200 японских трупов…

Сид Филлипс

Пока продолжался бой, наши 81-милимметровые минометы – все четыре – были направлены в сторону пляжа на случай высадки вражеского десанта. Поэтому атака японцев пришлась на наш правый фланг. Лейтенант перемести наш взвод ближе к месту, параллельно берегу реки. Повсюду были видны наши стрелковые ячейки. Пулеметные гнезда были врыты в землю так, что их едва было видно в тусклом свете. Продвигаясь в темноте, мы время от времени падали в стрелковые ячейки. Вообще, было очень-очень больно падать в такую ячейку, неся ствол миномета или опорную плиту. Такой груз мог убить парня, который его тащил…

Минометчики морской пехоты в бою

https://au.pinterest.com/pin/24980972905529944/

Джим Янг

Мы установили наши минометы в рощице кокосовых пальм в линию, параллельную руслу реки. У нас не было никаких укрытий. Мы чувствовали себя, словно посреди футбольного поля. Нам приходилось действовать быстро, поскольку японцы разглядели нас и начали обстреливать нашу позицию. Лейтенант беспокоился, потому что не был уверен в том, что мы сможем вести огонь через листву коксовых пальм. Я сказал ему, что попробую. Сделал первый выстрел и сбил лист с пальмы, однако мина не взорвалась. Лейтенант приказал открыть огонь на поражение (fire to the effect). Это означало, что огонь нужно было вести с максимальной интенсивностью.

Сид Филлипс

Прямо напротив новой позиции минометного взвода находилась куча японских трупов, где-то ярдах в тридцати от нас. Их убили еще до того, как мы установили наши минометы. Мы пытались накрыть огнем участок на противоположном берегу реки, равный по площади шести футбольным полям. Мы просто стреляли по площади. Бой начал стихать, и некоторые японцы попытались удрать, бросившись прямо в океан, но многих скосили уже тогда, когда они бежали через пляж…

Рой Герлах

Наш огонь отбросил японцев обратно в реку. Я был вместе с минометным взводом и подносил мины. Они были три дюйма в диаметре – их опускали в ствол, мины вылетали, проносились над головами оборонявшихся стрелков, падали и взрывались, убивая все на 30 ярдов вокруг. Нет, меня, меннонита, не беспокоило то, что я на войне *(религиозная секта меннонитов придерживается веры в неприменение силы – ВК)*. Думаю, я мыслил более широко.

Арт Пендлтон

На меня наибольшее впечатление произвели осветительные ракеты. Их выстреливали в воздух, и был слышен хлопок, когда они зажигались. Их свет был очень ярким. Затем раскрывался парашют, и ракета медленно опускалась на землю. Не имело значения, что ты делал – в этот момент все замирали. Даже волоском нельзя было шевельнуть. Шелохнешься – и тебя подстрелят. Мы стреляли осветительными ракетами, то же делал противник. Это делалось просто для того, чтобы проверить, кто и где находится. Ракеты, вероятно, были самыми опасными штуками в том бою…

Сид Филлипс

Мы стреляли тяжелыми 15-фунтовыми минами. Когда эта штука взрывается, грохот просто оглушает. Просто немыслимо. На нас самих наводили ужас результаты стрельбы 15-фунтовыми минами. В лагере Леджюн (Lejeune) мы один раз стреляли боевыми минами, но на расстояние более чем 2 000 ярдов. До того первого боя мы ни разу не использовали их в ближнем бою.

Джим Янг

Мы видели японцев, видели, как на них горит форма после разрывов наших мин, как они бегут к реке или к морю, чтобы потушить огонь. У нашего четвертого миномета случилась осечка, и его

пришлось вывести из боя. Капрал Магно (Mugno) намотал носок на шомпол, чтобы прочистить ствол этого миномета, но носок свалился и вывел его из строя. Полная неразбериха…

Арт Пендлтон

В какой-то момент они попытались обойти нас с фланга на косе. Я из своего пулемета по косе не стрелял, поскольку она была в секторе огня другого пулемета слева от нас. Там же действовала 37-милимметровая пушка. Это была легкая пушка, но стреляла она картечью, примерно тем же, чем вы стреляете по птицам [на охоте]. То есть, в воздух вылетало множество кусков металла, как из гигантского дробового ружья. Эта пушка стреляла непрерывно… О косе я не беспокоился. Даже не думал о ней. Наши руки были заняты тем, чтобы беспокоиться о том, что было прямо перед нами. Что ж, японцы попытались взобраться на берег и добраться до нас, но мы скосили их всех.

Сид Филлипс

Во время боя полковник Поллок [Lt. Col. Edwin A. Pollock, CO of the 2nd Battalion, 1st Marines] прибежал на нашу точку и спросил: «Кто тут минометчик?» Я поднял руку, и он продолжил: «Что ж, парень, используй меня, как вешку для выноски расстояния. Он отбежал примерно на 40 ярдов и встал с поднятой рукой. Я установил прицел на нулевое отклонение, и мы перетащили миномет, чтобы сориентировать направление стрельбы по его фигуре. Затем я заметил между деревьями, за ним, американский плавучий танк, брошенный на противоположном берегу реки. Японцы укрыли в нем пулемет и вели из него огонь.

Поллок сказал попробовать выстрелить на расстояние в 300 ярдов. Мина улетела в нужном направлении, но разорвалась чуть-чуть за целью. Мы слегка опустили ствол, и третья мина легла точно на танк. Все наши ребята начали орать от восторга так, словно случился занос во время футбольного матча!

Арт Пендлтон

Ближе к концу боя полковник Поллок, который был классным мужиком, подошел ко мне и сказал: «Прекратить огонь.» - Я ответил: «Я пытаюсь снять пару парней, которые, как мне сдается, бегут вон там.» - Он сказал: «Не надо. Мы не знаем, что там делается, так мы можем получить повторение случая с Риверсом.» Он знал, что бой затих, и не хотел, чтобы кто-то из нас или других морпехов был убит. Он был нашим полковником, я его очень уважал.

Сид Филлипс

Японцы попытались сбить нас с позиции огнем из 75-милиметровой гаубицы. Один раз им удалось отогнать нас артогнем от нашего миномета. Еще они палили по нам из гранатометов. Когда эти штуковины стреляли, казалось, вы ударяли друг о друга два деревянных бруска. Такой треск стоял! А когда их граната разрывалась неподалеку, было чертовски страшно.

Джим Янг

Бой затихал, становилось светлее. Под конец кучи японских трупов выросли до высоты от трех до пяти футов. Напротив 37-милимметровой пушки, оборонявшей наш фланг с единственного

направления, где японцы могли бы атаковать, не переходя вброд реку, была разбросана сотня или большее число трупов.

Арт Пендлтон

Я помню, как разглядывал трупы японских солдат, застрявших в колючей проволоке, их развороченные головы и вытекающие из них мозги… Эта картина все еще со мной, 70 лет спустя. Японский солдат сильно отличался от тех, кого принято считать представителями японской нации. Японцы – это добросердечные, щедрые, легкие в общении люди, которые ценят прекрасное; тонкие в художественном отношении, в музыке и во всем остальном. Их солдаты, тем не менее, были настолько обработаны в психологическом смысле, что самоубийственные атаки для них не были чем-то особенным, не были чем-то из ряда вон выходящим и акты неслыханной жестокости. Мы же были просто американскими пацанами. Наша социальная система была другой, и у нас тоже были промыты мозги в том смысле, что ты должен был делать то, что тебе говорят, и не подвергать сомнению приказы, но, если бы нам сказали просто впустую расстаться со своими жизнями, мы бы не отдали их просто так. В этом была большая разница.

Джим Янг

Две сотни трупов валялись кучами напротив огневой точки Джони Риверса и Эла Шмида. Шмид выжил в том бою, но потерял зрение. Я не мог поверить тому, сколько вокруг было японских трупов. Некоторые выглядели так, как будто уснули. Других изуродовало. Некоторые обгорели…

Товарищи навещают в госпитале потерявшего зрение пулеметчика Эла Шмида

Сид Филлипс

Генерал Вандергрифт и его штаб прибыл на место боя. Вандергрифт был главным на Гуадалканале. Он подошел к нам и остановился футах в 10 от нас. За ним следовал капрал с дробовиком 12-го калибра, который он держал «на груди»; даже не знаю, было ли он поставлен на предохранитель, однако он был явно готов поднять оружие и пальнуть. Он был рядом с генералом, и именно тогда мой дружок Рэнсом сказал: «Филлипс, если хочешь, чтобы тебе дали хорошего пинка под зад, иди туда и встань между генералом и тем капралом.»

Наши танки пришли к месту боя не раньше 10 утра. Они проследовали вдоль пляжа. Можно было подойти и потрогать их. Когда пришли танки, весь наш 1-й Батальон, пехотные роты «A», «B», «C» и «D», отогнали всех остававшихся в живых японцев к океану. Около 30 японцев забежали в воду… По ним стреляли о тех пор, пока над водой не осталось ни одной головы.

Джим Янг

Около 2-х часов дня температура поднялась до 95 градусов [*по шкале Фаренгейта, примерно 35 градусов по Цельсию – ВК*]. Мы бродили между ними [мертвыми японцами] в поисках тех, кто еще был жив. Несколько наших было подстрелено японцами, которые притворились мертвыми. Полковник приказал пристрелить всех, остававшихся в живых. От трупного запаха можно было просто задохнуться. Наш капеллан снимал солдатские жетоны с убитых…

Арт Пендлтон

Я не могу даже начать говорить о том, сколько трупов плавало в реке после этого боя. Воды просто не было видно. Мы убили почти 800 человек. Это были японцы из элитных частей, которые обучали на горе Фудзияма - там они с полной выкладкой бегали вверх и вниз по склонам. Мы бы никогда не победили в том бою, если бы река не отделяла нас от противника. Трупы валялись всюду и везде на протяжении двух недель. Крокодилы рвали их на части. Не такое уж и малое число японцев выжило и сумело удрать на другую сторону острова на быстрых судах. Эти люди снова вступили в бой, но, в конце концов, были уничтожены.

Трупы японцев, присыпанные песком после прилива. Сцена после ночного боя в устье реке Тенару (http://www.gettyimages.com.au/photos/tenaru-river?excludenudity=true&sort=mostpopular&mediatype=photography&phrase=tenaru%20river)

Сид Филлипс

Когда все кончилось, полковник Поллок появился в нашем расположении и сказал, что мы проявили себя действительно здорово и пожал каждому руку. Эта японская часть, которая атаковала нас, представляла собой половину элитного отряда Ичики. Они первыми высадились на Гуаме и взяли в плен находившихся там наших морпехов. Очевидно, тогда они обыскали личные вещи всех морпехов, потому что рюкзаках японцев было полно фотографий американцев и их подруг. Мы нашли около 100 таких снимков после боя.

Мы собрали эти снимки и решили, что лучше будет, если мы сожжем их. Нам не хотелось посылать их семьям, даже если была возможность идентифицировать людей на фотографиях. Мы сохранили все фотографии японцев. Их можно было продать морякам с военных кораблей за все, что угодно: одежду, жевательный табак. Деньги не имели ценности, но можно было добыть многое, торгуя сувенирами. Я открыл рюкзак одного из японцев, в котором нашел три эмблемы КМП в виде земного шара и якоря. Мой друг Дикон Тэйтум (Deacon Tatum) подобрал автомат сержанта Карпа, и ему пришлось стирать с него кровь убитого…

Арт Пендлтон

Помню двух морпехов, которые были моими друзьями. Тяжелый снаряд упал рядом с ними и убил обоих. Не просто убил, а просто разнес в клочья. Их звали Барни Стерлинг (Barney Sterling) и Артур Этвуд (Arthur Atwood). Оба они посмертно были награждены Военно-Морскими Крестами. Наш лейтенант позвал меня и еще пару ребят, мы взяли пончо и собрали в них куски их тел. Оттащили все это в рощу кокосовых пальм и вырыли могилы на краю летного поля. Так было основано кладбище морских пехотинцев на Гуадалканале. Я так никогда и побывал еще раз на острове, но один из друзей рассказал мне, что теперь там большое кладбище.

Эл Шмид (Albert Andrew Schmid) до отправки на Тихий Океан

Эл Шмид (род в 1920 г.), бывший рабочий-металлист, полностью потерял зрение в одном глазу, но хирургам удалось частично восстановить ему зрение для второго глаза. Он был награжден Военно-Морским Крестом и стал национальным героем. Его подвиг даже вошел в голливудский фильм Pride of the Marines, вышедший в августе 1945 г. Он умер в 1982 г.

Похороны погибших. Гуадалканал, 1942

https://au.pinterest.com/pin/81838918202201901/

Полковник Ичики, по разным сведениям, или погиб, или совершил харакири 21 августа 1942 г. Сражение за Гуадалканал продолжалось еще 6 месяцев и окончилось полной победой американцев. Аэродром Lunga Point был переименован в Henderson Field в честь летчика-морпеха Лофтона Хендерсона (Lofton Henderson), погибшего в сражении у атолла Мидуэй. Теперь аэродром известен как Honiara International Airport. Остров была объявлен полностью очищенным от противника 9 февраля 1943 г. К тому моменту КМП и армейские части потеряли 1 592 человека убитыми и 4 283 человека ранеными, в то время как японцы понесли жесточайшие потери: более 28 000 убитыми, пропавшими без вести и умершими от различных болезней. Завершение сражения обозначило конец японской экспансии на Тихом Океане. Начиная с этого дня и вплоть до капитуляции, Япония вела оборонительные бои.

Adam Makos & Marcus Brotherton

Из книги Voices of the Pacific (Berkley Caliber, 2013)

https://en.wikipedia.org/wiki/Kiyonao_Ichiki

https://alchetron.com/Al-Schmid-737259-W

Возврат на главную страницу www.warsstory.org